

HAL
open science

Шевалье Дезессар, московский гувернер и писатель (из французских контактов И.И.Шувалова).

Vladislav Rjeoutski

► To cite this version:

Vladislav Rjeoutski. Шевалье Дезессар, московский гувернер и писатель (из французских контактов И.И.Шувалова).. Шевалье Дезессар, московский гувернер и писатель (из французских контактов И.И.Шув, 1998, Saint-Pétersbourg, Russia. pp.220-240. <halshs-00154547>

HAL Id: halshs-00154547

<https://shs.hal.science/halshs-00154547>

Submitted on 14 Jun 2007

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire **HAL**, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

Шевалье Дезессар, московский гувернер и писатель.

(Из французских контактов И.И.Шувалова).

Электронный вариант статьи Ржеуцкий (В. С.), Сомов (В. А.), « Шевалье Дезессар, московский гувернер и писатель (из французских контактов И.И. Шувалова) », *Философский век. Просвещенная личность в российской истории. К 270-летию со дня рождения, 200-летию со дня смерти И.И. Шувалова (1727-1797) и к 275-летию Академии наук. Материалы Международной конференции. – Санкт-Петербург, 23-26 июня 1997 г, Санкт-Петербург, 1998, с. 220-240.*

Среди французских рукописей Российской национальной библиотеки хранится сочинение, озаглавленное « Voïageur Moscovite ou Lettres Russes: ouvrage Histori-Politi-critique Traduit du Russe Par M.M. chev. Des Essarts ». В русском переводе название сочинения звучало бы так: « *Московский путешественник, или русские письма: историко-политико-критическое сочинение, переведенное с русского шевалье Дезессаром* ». А посвящено сочинение никому иному как И.И. Шувалову¹.

Приведем описание этой рукописи: ОР РНБ Фр.Q.XV.38 (инвентарный номер 1055). Заглавие на первом листе по-французски: « Voïageur Moscovite ou Lettres Russes : ouvrage Histori-Politi-critique Traduit du Russe Par M.M. chev. Des Essarts ».

Вся рукопись на белой русской бумаге производства фабрики Афанасия Гончарова, очень хорошего качества. Филигрини: литеры А Г и вензель. В справочнике З.В. Участкиной бумага датирована 1780 г. (№240)². Размер бумаги 22,8х18,8. I (переплетный лист), 95 л., I (переплетный лист).

В рукописи (л.2-3об.) имеется посвящение: « A Son Excellence Monseigneur Iwan-Iwanovitz Chouvalow Général Lieutenant, Général adjudant de sa Majesté L'impératrice de toutes les Russies.

© В.С. Ржеуцкий, В.А. Сомов.

¹ Эта рукопись вызвала в 1950-е гг. интерес известного историка русской литературы XVIII в. Веры Дмитриевны Кузьминой, которая сделала даже конспект всего сочинения.

² Uchastkina Z.V. A history of Russian hand paper-mills and their watermarks, 1962. С. 39. № 240.

chevalier de Plusieurs ordres. chambellan, curateur de L'université de Moscou. &c. &c. &c.»³ В конце посвящения подпись: chevalier des Essartz.

Вся рукопись написана одним почерком, черными чернилами. Лл.92об.-95 тем же почерком, но мелким. Текст в рукописи обведен карандашной рамкой. Есть старая пагинация черными чернилами (с.1-183), сделанная, видимо, той же рукой, что и вся рукопись. На титульном листе помета карандашом: М.М. На листе 95об. записи: 1) фиолетовыми чернилами: В этой рукописи 95 (девяносто пять) листов. А.Люблинская. 22.IV.35. и 2) синими чернилами: 403/929 (запись о поступлении). Рукопись поступила в Публичную библиотеку в 1929 г. из Государственного музея Приенисейского края (Красноярск).

Переплет (23,4x19,5) позднейший XIX в., полукожаный, корешок коричневой кожи. На корешке тиснение золотом: Essarts / LE / VOYAGEUR / MOSCOVITE / М.М. На нижней крышке переплета внизу слева наклейка: В.И. Клочковъ СП.Бургъ Литейн.пр. 55 Книгопродавец Антикварій.

Само сочинение можно датировать концом 1750-х — началом 1760-х гг.: в нем, между прочим, идет речь о событиях последних лет царствования Елизаветы Петровны, в частности, о Семилетней войне, в то время как Екатерина II в нем даже не упомянута. Посвящение же И.И. Шувалову, в котором он назван генерал-адъютантом, не могло быть сделано раньше 1760 г., так как известно, что генерал-адъютантом Шувалов стал только в 1760 г. С другой стороны, Шувалов не назван Директором Шляхетского кадетского корпуса, которым он стал в 1762 г., из чего можно предположить, что последнее назначение не опущено, а просто еще не свершилось. Если это так, то посвящение скорее всего было написано между 1760 и 1762 гг. Если доверять датировке бумаги (1780 г.), эта рукопись является позднейшей копией сочинения, написанного в период между концом 1750-х и 1762 г. Возможно, перед нами копия, выполненная самим автором, шевалье Дезессаром⁴.

³ В русском переводе: *“Милостивому Государю Ивану Ивановичу Шувалову, Генерал-лейтенанту, Генерал-адъютанту Ее Величества Императрицы всея Руси, кавалеру многих орденов, камергеру, куратору Московского Университета и т.д. и т.д.”* Полный текст посвящения см. в приложении к этой статье. Все цитаты, как и отрывки этого сочинения, помещенные в приложении, воспроизведены в орфографии оригинала. В спорных случаях диакритические знаки ставились согласно правилам современного французского языка.

⁴ Судьба рукописи до ее поступления к известному петербургскому книгопродавцу В.И.Клочкову нам неизвестна.

Дезессар называет себя лишь переводчиком сочинения с русского на французский, а в действительности является, конечно, его автором. Это известный прием: Монтескье также объявил себя переводчиком «Персидских писем». Кроме того, в 1770 г. одновременно в Амстердаме (у издателя Меркуса-сына) и в Москве (у издателя и книготорговца Хр. Рюдигера) вышла книга «Le livre a la mode ou le philosophe rêveur»⁵ — «Модная книга, или философ-мечтатель», на обложке ее стоит имя шевалье Дезессара. Нередкие текстуальные параллели книги и рукописи — еще один аргумент в пользу авторства Дезессара.

Нам пришлось по крупицам собирать сведения о шевалье Дезессаре⁶. Он родился около 1730 г.⁷, в городе Клермонте (Clermont) французской провинции Овернь (Auvergne). Полное его имя Антуан Жозеф Мог шевалье дез Эссар (Antoine Joseph Mauge Chevalier des-Essarts). Настоящая его фамилия Мог, но он выбрал себе другую по названию земель, принадлежавших его отцу. По его словам, он сын дворянина, «писаря у подушного королевского сбора в реченной провинции» (Овернь) — Жозефа Мога и его жены Анны Руа. Как и вся его семья, он — «римско-католического закону». Жан Мог служил в королевской армии, хотя родители прочили его в духовные лица. Служба проходила, по его утверждению, в «Монморинском пехотном и в Королевско-драгунском полку». Из отечества своего он выехал около 1753 г., причем без

⁵ Le livre à la mode ou le Philosophe rêveur. Ouvrage dans lequel on trouve plusieurs particularités singulières et intéressantes pour tous les états de la vie. Par le chevalier des Essarts. Amsterdam, Mercus-fils. 1770. То же. Moscou, C. Rudiger. 1770. Экземпляр московского издания (РНБ АИ/676) и амстердамского (Paris, BNF, Z-29018. Мы благодарны сотруднику Bibliothèque nationale de France Jean Dominique Mellot, предоставившему нам фотокопии амстердамского издания) совершенно идентичны. Совпадают и шрифт и набор, оформление самой книги и титульного листа (одинаковая виньетка). Эти издания отличаются лишь по типографскому адресу. По мнению нидерландского исследователя Отто С. Ланкхорста (Otto S. Lankhorst) перед нами так называемое *йdition partagé*, осуществленное совместно амстердамским и московским книгоиздателем. Книга была издана в Амстердаме у Меркуса-сына, а часть тиража передана в Москву Рюдигеру.

⁶ Мы искренне благодарим Дмитрия Никаноровича Костышина и Брониславу Александровну Градову, предоставивших в наше распоряжение материалы о Дезессаре, оригиналы которых хранятся в Архиве внешних сношений Российской империи в Москве (далее — АВПРИ), а именно дело, озаглавленное: «Промемория из московской полиции при которой прислан француз Иван Десазар на рассмотрение и чтоб оной по рассмотрению к решению обратно был прислан в полицию на 22 листах». АВПРИ, фонд 7, Московская контора Коллегии иностранных дел, опись 7/3, ед.хр. 127. Перевод всех документов промемории был сделан переводчиком Конторы Мартыном Соколовским.

⁷ «Промемория» на него была составлена в 1765 г., когда ему было 35 лет.

паспорта, иными словами, скорее всего, дезертировал из армии⁸. С тех пор он путешествовал, по Италии, Англии, Голландии и Германии. Большую часть пребывания в Англии, по его словам, он был секретарем у герцога де Мирпоа, французского посла, и переводчиком с английского. Там же он и женился, а, по отъезде из Англии, «*обучал он разных людей наукам*», т.е. зарабатывал себе на жизнь главной тогда профессией французов в рассеянии — учительством. В Россию он приехал в 1759 г., имея на руках паспорт от «*Российского посланника господина Салтыкова*». Речь идет, конечно, о Сергее Васильевиче Салтыкове, известном фаворите Екатерины, в то время еще Великой княгини, который в 1755 г. был назначен посланником в Гамбург. По приезде в Россию, Дезессар служил учителем в разных домах. В его деле имеется свидетельство, данное ему в феврале 1761 г. графом Кириллом Григорьевичем Разумовским, гетманом Малороссии и президентом Академии наук, которым тот подтверждает, что Дезессар год прожил в качестве учителя при сыновьях гетмана и «*оказал себя исправным*»⁹.

Где же жил в этот период К.Г.Разумовский со своей семьей? В конце 1759 г. он выезжает со всем семейством из Петербурга в Малороссию. На два месяца он останавливался в Москве. Екатерина Ивановна Разумовская, его супруга, вскоре поехала с детьми на Украину, в резиденцию гетмана г.Глухов, сам же гетман прибыл туда в марте 1760 г., и, как сообщает Маркович в своих записках, «*при нем французов не мало*»¹⁰. Кроме самого Дезессара, в числе этих французов у гетмана был и Никола-Габриэль Леклерк (тогда еще называвшийся Клерком), будущий автор «Истории России», в 1759 г. поступивший на место домашнего врача к Разумовскому. Дезессар недолго — всего год — служил у Гетмана, хотя вряд ли потому что его не удовлетворяли условия. Сам Разумовский отмечал, что у французов, служивших у него в доме, не было никакой причины быть недовольными. Как бы то ни было, а шевалье в 1759 г. покидает дом Разумовского и на несколько месяцев поступает к князю Николаю Сергеевичу Долгорукому¹¹, а уже к 1762 г. оказывается в Москве.

⁸ Большой процент мужчин французского землячества в Москве составляли именно дезертиры. Так, среди французов, прибывших в 1770-х гг. в Москву из волжских колоний, не менее двух пятых были дезертирами из французской армии.

⁹ АВПРИ, ф. 7, Московская контора Коллегии иностранных дел, оп. 7/3, е.х. 127, л.10.

¹⁰ А.А.Васильчиков, Семейство Разумовских. Т.1. СПб., 1880. С.262.

¹¹ В деле имеется аттестат, данный шевалье 13 июня 1761 г. за подписью кн. Николая Долгорукого. АВПРИ, фонд 7, Московская контора Коллегии иностранных дел, опись 7/3, ед.хр. 127, л.11.

Здесь к этому времени было уже немало его соотечественников. В 1759 г. в Москве было открыто вице-консульство Франции, и, выполняя свои обязанности, вице-консул Пьер Мартен составил список 156 взрослых французов и их детей, проживавших в Москве и ее окрестностях к 1 января 1762 г.¹² Этот документ показывает, что «так называемый шевалье Дезессар»¹³ был к тому времени в Москве, что он был женат и имел одного ребенка. В дальнейшем имя Дезессара встретится и в списке французского землячества 1777 г., составленном тем же Мартемом¹⁴. А в списке французов, принесших в 1793 г. после казни Людовика XVI присягу на верность королевской власти, значится: «Иван Шевалье Дезессар, из Клермонта; Люкреция, жена его, из Лиона; Марья Везень, дочь их, вдова, из Ландау; у ней сын Александр и дочь Елизавета, родились в России»¹⁵. Имя Дезессара еще встречается в документах московских католических церквей в 1797 г.¹⁶ Где и когда он умер нам неизвестно. Таким образом, Дезессар прожил большую часть своей жизни в России и почти сорок лет — в продолжении всего царствования Екатерины II — в Москве.

Здесь к концу XVIII в. уже оформилось многочисленное французское землячество. Оно объединилось вокруг французской католической церкви Св.Людовика, основанной в 1789-1790 гг., и французского вице-консульства. Основными условиями, позволившими образование землячества по этническому признаку, стали малая степень социального расслоения, большая конфессиональная целостность, общее место проживания (район Лубянки, который французы и другие иностранцы облюбовали с 1770-х гг.), незначительная интеграция в государственные

¹² Etat des français, sujets du Roi, de leurs femmes et enfents actuellement à Moscou et aux environs, au premier janvier mil sept cent soixante deux. Archives diplomatiques de Nantes, Moscou, n°1, л.99.

¹³ Вице-консул недаром пишет «так называемый» (soi-disant). Как оказалось, у шевалье начисто отсутствовали какие бы ни было документы о его происхождении, о якобы полученном им в Лондоне ордене Св.Иоанна Иерусалимского и т.д.

¹⁴ Etat de la Colonie françoise à Moscou et dans cette partie de l'Empire de Russie, pour être mis sous les yeux de Monseigneur de Sartine Ministre et Secrétaire d'Etat ayant Le département de la marine, par le Sr.Martin viceconsul a Moscou, au commencement de 1777. Archives Nationales de France, Affaires étrangères, B-I-480, л.213-223.

¹⁵ Санкт-петербургские ведомости, 1793, №50, с.1225: «Продолжение списка оставшимся в России по имянному ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА указу, состоявшемуся сего 1793 года Февраля в 8-й день, бывшим у присяги Французам и Французженкам, находящимся как в столичном городе Москве, так и других городах».

структуры. Начало в 1789 г. революции во Франции, вызвавшей поток эмигрантов, в т.ч. духовного звания, особенно с 1792 г., совпало по времени с осознанием частью землячества необходимости сохранения себя как этнической группы. Французские священники материально были заинтересованы в оформлении землячества как закрытой группы, но при этом они находили понимание среди главных семей колонии¹⁷. Дезессар, будучи старожилом землячества, не был в стороне от этих процессов. Под документом об основании французской церкви Св.Людовика в Москве стоит и его подпись¹⁸, а его голос в пользу отделения французского католического прихода и организации французского землячества был услышан среди московских французов¹⁹.

Дезессар зарабатывал себе на жизнь преподаванием. Собственно появлением “промемории” на него в Московской конторе Коллегии иностранных дел мы обязаны его ссоре, в 1765 г., с одним из его работодателей, бригадиром Иваном Михайловичем Игнатьевым. Тогда Дезессаром был подписан договор, по которому он брался учить двух сыновей Игнатьева французскому языку, орфографии, Священной истории, географии, разговору и “*пишменному стилю*”. Кроме того, он брался “*укрощать*” сердца своих учеников, “*научая их смирению*”, учить их тому, что “*надлежит*” честному человеку и дворянину²⁰. Дезессар получал двести двадцать рублей в год, человека для услужения, каждую неделю “*вотки сладкой бутылку*”, получал для выезда две лошади и сани, а летом коляску. Ему также разрешалось иметь учеников вне дома Игнатьева²¹.

¹⁶ Например, в числе восприемников при крещении в церкви Св.Людовика. ОР РНБ, разнояз., F-II, №27, часть 1, л.108-113об. (Index 2-dus Baptisatorum in Ecclesia Filiali Parochiali Moscuensi Sancti Ludovici Regis Confes. Ab Anni 1790-mo).

¹⁷ V.Rjeoutski, La communauté francophone de Moscou sous le règne de Catherine II // Revue des Etudes Slaves, Paris, LXVIII/4, с.445-461 и, особенно, с.455-461.

¹⁸ Documents officiels et procès-verbaux ayant rapport aux fondations diverses des Français domiciliés a Moscou, 1789-1892. М., 1892, с.18.

¹⁹ Об этом свидетельствует упоминание Дезессара в письме одного из священников Петропавловской церкви Москвы, в котором тот сетует на раздор между прихожанами двух католических церквей. ОР РНБ, разнояз., F-II, №27, часть 1, л.12.

²⁰ АВПРИ, ф. 7, Московская контора Коллегии иностранных дел, оп. 7/3, е.х. 127, л.12.

²¹ АВПРИ, ф. 7, Московская контора Коллегии иностранных дел, оп. 7/3, е.х. 127, л.12-12об.

Профессия гувернера была наиболее популярной среди французов старой столицы. Это приводило к ощутимым последствиям в жизни французского землячества Москвы. Гувернеры жили, как правило, в нанимавших их семьях и повсюду следовали за ними. В результате, они исключали себя частично из жизни землячества, а в летний период это приводило даже к резкому уменьшению его численности. В то же время гувернеры, наравне с учителями танцев, секретарями и т.д., наиболее тесно общались с московской аристократией, но и были более зависимы от нее, в отличии, скажем, от купцов. Правда, иностранцы вообще, без различия профессий, поддерживали самые тесные контакты с московской аристократией. Возможно, что именно в угоду своим покровителям среди русской аристократии Дезессар взялся за написание столь пророссийского по своему духу произведения, каким является “Московский путешественник”.

“Московский путешественник” Дезессара написан в форме писем, традиционной для XVIII века. Это переписка двух русских, Федора и Якима, один из которых живет в Москве, другой же путешествует по Европе. Безусловно, намеренна экзотика, как в выборе имен главных героев, так и места их жительства (Москва, а не, например, Петербург). Выбор формы произведения был подсказан существовавшими образцами эпистолярных произведений, такими как “Персидские письма” Монтескье, “Еврейские письма” и “Китайские письма” маркиза д’Аржана. На сочинения последнего Дезессар даже ссылается в своем тексте.

В этой переписке речь идет, часто в сатирических тонах, о самых разных темах: образе русского путешественника в Европе, восприятию им французской культуры, состоянии книгоиздательства и положении писателей в Голландии, положении французских учителей в России. На страницах “Московского путешественника” отклики на текущие политические события (например, военные действия периода Семилетней войны) соседствуют с рассуждениями автора о европеизации России и реформаторской деятельности Петра I.

Путешествие как жанр литературного произведения — прекрасная возможность выразить свое отношение к чужой стране или народу и сравнить их со своими. В конце XVIII в. действительно имевшее место путешествие Н.М.Карамзина не только дало материал, но и предоставило писателю возможность высказаться по поводу целого ряда европейских стран и европейских знаменитостей²². В своих сатирических “Русских письмах” Дезессар пользуется

²² Мы не осмелимся проводить прямых параллелей между этими сочинениями и их судьбами, но отметим любопытный факт: “Письма русского путешественника” Н.М.Карамзина впервые вышли отдельным изданием в 1797-1801 гг. у московских издателей Хр.Рюдигера и Хр.Клаудия. А за три

аналогичным приемом, перемещая своего воображаемого путешественника то во Францию, то в Голландию. Пикантность рассказу Якима о его пребывании во Франции придает тот факт, что настоящий автор писем — француз, и, в качестве такового, не может быть обвинен, по крайней мере, в незнании предмета, о котором пишет. При этом герой Дезессара не выказывает особой симпатии к французам. Большая часть второго и третьего писем посвящена французам, восприятию французами русских и, конечно, раз речь ведется от имени русского в Париже, много места уделено образу француза глазами русского. *“Счастливые обитатели холодной империи! — восклицает Яким.— У вас нет этой мании, этого пыла объявлять себя друзьями [...] Вам незнакомо предательство [...] Ваше холодное равнодушие тысячу раз более предпочтительно чем эти восторги, эти взрывы, неизменно обещающие злословие, неуместную иронию, жестокую клевету [...] Эта смесь самых отвратительных злодеяний, общих для всех наций, кажется, стала особой привилегией той из них, которую считают сегодня наиболее просвещенной».* Яким, пытающийся сойти за французского щеголя, откровенно смешон: *«Я был одет совершенно на французский манер, с завитками в виде голубиных крылышек, напудренный зернами шпината, с малюсенькой шапочкой под мышкой, с тростью гораздо выше моего роста, с муфтой, перчатками и табакеркой в руках, все это снаряжение придало бы мне вид петиметра, если бы мое искреннее убеждение в том, что я русский не заставило меня присовокупить благоразумности к манерам напыщенного дурака, которые я принимал»²³.* Представ в таком виде перед дамой света, Яким все же выдал себя: — Вы иностранец? — спросила его дама. Услышав, что перед ней русский, дама бледнеет и лишается чувств.

Эти страницы “Московского путешественника” Дезессара заставляют вспомнить о другом сочинении, но принадлежащем перу великого автора, — памфлете Вольтера “Русский в Париже” (1760 г.)²⁴. В этой сатире Вольтер, скрывшийся под русским псевдонимом, высмеял своих литературных противников с позиции воображаемого русского путешественника.

десятилетия до того тот же Рюдигер выпустил книгу Дезессара “Le livre à la mode ou le Philosophe rêveur”.

²³ “Heureux habitans d’un Empire glacé. On ne voit pas parmi vous cette ardeur, ce feu a vous déclarer amis [...] la trahison vous etes inconnue[...] (Voïageur, ë.18) ‘Votre froide indifférence est préférable mille fois à ces transports, à ces eclairs qui annoncent immanquablement la médisance, l’ironie déplacée, la calomnie la plus cruelle’. (Voïageur, Ё.18 è îá.). “Ce cahos de forfaits les plus affreux, commun a toutes les nations, semble avoir fait l’appanage particulier de celle qui passe pour etre aujourd’hui la plus policée”. (Voïageur, Л.21)

²⁴ Le Russe à Paris // Voltaire, Oeuvres complètes. Edité par Louis Moland. T.10 (1877). С.119-131.

Напомним, что вольтеровский памфлет представляет собой диалог в стихах между парижанином и секретарем русского посольства, уроженцем Архангельска Иваном Алетовым. Этот молодой человек, знаток изящной словесности, приехал в Париж учиться у французов, но глубоко разочаровался, увидев современную ему Францию, утратившую былой блеск и культурное величие. От расстройства Алетов занемог и умер в Париже в 1760 г.²⁵ Любопытно, что в то же время таким же литературным приемом воспользовался наш автор, московский француз. Возможно, он был уже знаком с вольтеровским памфлетом.

Отдельные страницы посвящены темам, основанным на личном опыте Дезессара, например, фигуре иностранного учителя в России XVIII в. (4-е письмо) или положению писателя в Голландии (7-е письмо). Гувернером Дезессар не скрывает, что доход, который может дать профессия учителя, привлекает в России массу нуждающихся французов, из которых многие сами неграмотны и своим поведением компрометируют всю когорту французских учителей, подвизавшихся в России, среди которых, утверждает Дезессар, спасая честь и своего мундира, большинство — люди достойные²⁶. набросанная Дезессаром картина рабской зависимости писателя от книгоиздателей кажется списанной с натуры. Скорее всего, Дезессару лично приходилось обивать пороги голландских издательских домов.

В небольшой статье мы не можем рассмотреть все темы, присутствующие на страницах “Московского путешественника”. Поэтому мы остановимся подробнее на тех из них, которые, имея непосредственное отношение к России, прямо или косвенно касаются фигуры И.И.Шувалова.

Знал ли Дезессар Шувалова лично? Это очень вероятно, учитывая круг лиц, с которыми Дезессару довелось сталкиваться в качестве гувернера или просто образованного француза — достаточное для того времени качество, чтобы рассчитывать на внимание высших сановников. Известно, что, несмотря на вражду клана Разумовских с Шуваловыми, Кирилл Григорьевич Разумовский, в доме у которого Дезессар служил, был с И.И.Шуваловым в дружеских отношениях. Тем более возможным кажется такое знакомство, если принять во внимание известное “французолобие” Шувалова.

²⁵ См. подробнее об этом произведении: Mohrenschildt Dimitri S. von. *Russia in the intellectual life of eighteenth century France*. New York, Columbia University Press. 1936. С.273. Алексеев М.П. Вольтер и русская культура XVIII века. // Алексеев М.П. Сравнительное литературоведение. Л., Наука. 1983. С.198, 217-218.

²⁶ См. этот отрывок в приложении.

И.И.Шувалов уже по роду своей деятельности — будучи куратором Московского университета и президентом Академии Художеств —, конечно, был связан с самыми разными французами, в том числе претендовавшими на профессорское место в этих учебных заведениях. Известен секретарь Шувалова француз Теодор-Анри Чуди шевалье де Люси, бывший поначалу в России комедиантом, а позже гувернером в Пажеском корпусе, издававший в 1754-1755 гг. в Петербурге французский журнал “Le Samййон littйгаire”. Шувалов был, конечно, знаком с французскими дипломатами в России, будь то шевалье Маккензи Дуглас, или так называемый шевалье Эон де Бомон. Последний в своих реляциях связывал имя Шувалова, прежде всего, с основанием Московского университета²⁷. Как известно, именно Шуваловым, от имени русского двора, Вольтеру было сделано предложение писать “Историю России в царствование Петра Великого”. Шувалов находился в постоянной переписке с писателем и, уже в Екатерининское царствование, посетил Вольтера в Ферне. В начале 1760-х гг. Вольтер посвятил Шувалову свою трагедию “Олимпия”. В “Посвящении” он, в частности, писал: *“Вы не ограничивались тем, что, пребывая при Дворе, развивали свой вкус и обогащали ум лучшими познаниями: вы озаботились распространением любви к науке, и созданное вами в Москве ученое учреждение обязано вам не только как основателю своему, но и как насадителю просвещения”*²⁸. Впрочем, слава “насадителя просвещения” далеко не исчерпывает образ Шувалова в среде французских интеллектуалов того времени. О нем нередко писали и как о русском “Помпадур” или вице-императоре России, о втором человеке в империи (Вольтер, принц де Линь)²⁹.

Ту же дань И.И.Шувалову как “насадителю просвещения” отдает и Дезессар. Он с самого начала своего посвящения заявляет: *“Не без обдуманного расчета беру я на себя смелость посвятить Вам это сочинение. Это слабое произведение слишком ограниченного ума пало бы с первых шагов, сделанных в Республике ученых, если бы его не поддерживало знаменитое имя”* И.И.Шувалова³⁰. И он продолжает: *“Все знают, Милостивый Государь, что Вы один возвели литературу на тот уровень, на котором она ныне пребывает в России. Нет ни одного ученого,*

²⁷ См., напр.: La France et la Russie au Siècle des Lumières. Relations culturelles et artistiques de la France et de la Russie au XVIII siècle. Paris, 1986. С.67.

²⁸ В.Люблинский, Наследие Вольтера в СССР. Литературное наследство. Т.29-30. С.28.

²⁹ Lortholary A. Le mirage russe en France au XVIII siècle. Paris, 1951 ; Wilberger Carolyn H. Voltaires’s Russia: window on the East. In: Studies on Voltaire and the eighteenth century. Vol. CLXIV. 1976.

³⁰ В переводе с французского. См. текст посвящения в приложении.

ни одного любителя Литературы, который бы не чувствовал, что обязан Вам тем, чем он является. Искусства находятся под Вашим покровительством, Таланты ободряемы Вами. Университет в Москве, Академия в Петербурге суть произведения Ваши, Вы постоянно работаете, дабы они оба процветали. Вскоре увидят все, что Вашими заботами не уступят они ни в чем другим ученым собраниям Европы”. Но Дезессар не останавливается на этом и добавляет к лестному образу мецената новые черты: “Я не говорю о тех важных делах, коими Вы заняты, это привело бы меня незаметно к восхвалению Вас, и пусть я только воздаю Вам по Вашим заслугам, это могло бы не понравиться Вам, поскольку Вы никогда не любили восхвалений. Я ограничусь поэтому, Милостивый Государь, тем, что, вместе со всеми, кто любит Литературу, назову Вас Покровителем наук, титул тем более славный, что Вы предпочитаете его многим другим, которыми обладаете и которых Вы не менее достойны”.

Уже в первом письме “Московского путешественника” речь заходит о Петре I и его роли в преобразовании России: “Но скажем, что у нас есть преимущество перед другими народами; самим себе мы обязаны столь отличным от бывшего состоянием, в котором мы сегодня пребываем. Я говорю — самим себе, и действительно, все знают, — пишет Дезессар, что образованная, просвещенная Россия — творение самого Петра Великого. Только он один смог уничтожить хаос в своей огромной империи. Именно он из народа темного, развращенного сделал народ работающий, добродетельный, грамотный, вежливый. Подобно умелому скульптору, который берется высечь из глыбы мрамора статую, он отсекал резцом своей просвещенности отдельные части, работа была тяжела, твердость материала казалось сопротивляется его удвоенным усилиям. Не падая духом, он превозмог себя, наконец ему удалось убрать все, что скрывало лицо, которое мы видим. Он закончил ваялом терпения то, что было подготовлено молотом. Итак, его слава заключается в преобразовании за малое время того, что было подготовлено веками”³¹. Дезессар придавал, скорее всего, особое значение этой оценке петровских реформ, т.к. этот отрывок почти без изменений вошел и в уже упомянутую книгу “Livres a la mode”. Конечно, позиция Дезессара не оригинальна³². Именно

³¹ См. этот отрывок в оригинале в приложении.

³² Образ Петра Великого, высекающего статую России, был широко распространен в русской традиции. См. Панегирическая литература петровского времени. Изд. подг. В.П.Гребенюк под ред. О.А.Державиной. Москва, “Наука”, 1979. С.131, 298. Матвеев В.Ю. К истории возникновения и развития сюжета “Петр I, высекающий статую России”. // Культура и искусство России XVIII века. Новые материалы и исследования. Л., Искусство, 1981. С.26-43. Е.Ф.Шмурло. Петр Великий в оценке современников и потомства. Вып. I (XVIII век). Санкт-Петербург. Сенатская тип. 1912. С.35, 40.

такую роль приписывали Петру многие французские авторы: Фонтенель, Вольтер, маркиз д'Аржансон, и другие³³. Все они подчеркивали, что Петр выступил как творец, что именно он преобразил свой народ. Но Петр смог это сделать, не забывая упомянуть те же авторы, только обратившись к Западу, приглашая иностранцев, используя достижения Европы, благодаря чему Россия смогла пройти так быстро путь длиною в несколько столетий. *“Мне возражат, с тем, чтобы опровергнуть то, что я утверждаю, что он отправился за границу в поисках Просвещения, — сразу же перехватывает эту мысль Дезессар, и именно это возражение, при всей своей надменности, составляет честь нашей нации”*. Дезессар сразу же переводит внимание с мысли о заимствовании Россией у Запада образцов Просвещения на мысль о гении Петра, *“который от своего титула императора оставил себе лишь только цель сделать счастливым свой народ. Какой еще монарх сумел достичь вершин величия таким путем? Какой еще властитель так считался со своими подданными, чтобы в такой степени заслужить звание великого”*. *“Каково торжество для подданного мудрыми уроками, которые он употребил, быть обязанным лишь своему монарху, своему властителю, своему господину”*, — восклицает Дезессар. Более того, счастье видеть, что на троне дочь великого человека, продолжающая его дело. Дезессар самого прекрасного мнения и о *“первых головах государства”*: если бы мне пришлось воздать им по заслугам, пишет он, по какому прекрасному полю я прошелся бы? Он, конечно, не может забыть самого И.И.Шувалова: *“Где бы я нашел выражения, чтобы дать всей Европе почувствовать насколько заслуживает похвалы этот отец Искусств, этот покровитель Талантов, эта достойная опора Литературы. Подлинные знатоки понимают, конечно, о ком я веду речь”*.

Выход России на арену европейской цивилизации видится Дезессару, с одной стороны, как военное выступление: именно Россия, в Семилетнюю войну, становится спасительницей пошатнувшейся Европы, именно русские штыки не допустили ее *“полного уничтожения”*³⁴. Но главным оружием России, в ее обращении к Европе, в век Просвещения, должно быть, конечно, слово. За лестное мнение о себе, о своей истории надо бороться, нередко даже дорого платить за

³³ Lortholary A. Le Mirage russe en France au XVIII siècle. Paris, 1951. Wilberger Carolyn H. Voltaires's Russia: window on the East. // Studies on Voltaire and the eighteenth century. Vol. CLXIV. 1976.

³⁴ “Il ne lui (ò.â. Åãðñã) reste d'autre espoir que dans la bravoure, dans la générosité de ces hommes, dont les habillements féroces sont le symbole du courage le plus magnanime. C'est eux qui jusqu'ici ont empêché sa destruction totale. Voïageur, л.28.

него, считают героями Дезессара³⁵. На Россию смотрят как на страну без литературы, русских презирают, потому что слишком мало знают их. Именно поэтому Яким и Федор у Дезессара хотят “*стать авторами*”, хотят представить на суд европейской публики, под видом переписки, плод своих усилий³⁶.

Тема европеизации России, варварского или цивилизованного характера Российской империи, так оживленно обсуждавшаяся в XVIII в., стала особо актуальной во время Семилетней войны. Фридрих Великий, сам в свое время поддерживавший интерес Вольтера к личности Петра Великого, ныне заявляет автору “Истории России”, что не желает ничего слышать об “*этих варварах*”. Пруская пропаганда использует перо писателей с целью набросить тень на роль России в войне и вообще на образ России как государства, идущего по пути Просвещения. Автор одного из таких сочинений, вероятно, Людвиг Оливье де Марконе (Ludwig Olivier de Marconney), становится мишенью Дезессара. В своем “*Письме лейденского друга к другу в Амстердаме*” (1758 г.), этот автор доказывает, что опубликованное русскими сообщение о победе в битве при Цорндорфе не соответствует действительности. “*Для русских только досадно, что они выигрывают баталии так же, как другие их проигрывают и что их победы настолько похожи на поражения, что наиболее проницательные оказываются в заблуждении*”, — пишет он³⁷. Дезессар возмущен как самим автором, так и его сочинением и только в этом месте, кажется, он не выдерживает тона и, в своем стремлении уничтожить противника, сбивается на брань: ему это сочинение “*кажется тем, чем является на самом деле: сплетением грубостей, кучей вранья*”. Автор памфлета, по мнению Дезессара не обладает ни воображением, ни талантом, ни вкусом, ни стилем. Он всего лишь — “*ползучее насекомое на поверхности литературы, школяр, не способный сказать ничего, кроме глупостей, не*

³⁵ “Ne nous flattons pas mal à propos, il faut acheter, il faut même payer bien cher, l’histoire de sa nation, lorsqu’on veut qu’elle fasse honneur”. (Voïageur, л.15).

³⁶ “Elevés l’un et l’autre dans des climats d’où l’aveugle prévention affecte de bannir la littérature, méprisés pour être trop peu connus, tu oses me proposer de faire gémir le fruit de nos Travaux sous l’invention caractéristique, tu veux que nous devenions Auteurs” (Voïageur, ө. 4). “Le Public littéraire apprendra dans ses moments de loisirs, qu’il est quelques Talents au milieu des neiges de ce qu’on appelle communément Moscovie. J’ai la vanité de croire qu’on nous rendra cette justice, peut-être suis-je dans l’erreur, n’importe, c’est son siècle; j’y suis né, il faut que je me console d’un mal dont il ne dépend pas de moi de me guairir”. (Voïageur, л.7).

³⁷ Lettre d’un ami de Leyde à un ami d’Amsterdam, ou remarques sur les relations russiennes de la bataille de Zorndorf. Leyde, 1758. (шифр РНБ: 13.3.2.441). С.5: “Ce qu’il y a seulement de fâcheux pour les Russes, c’est

заслуживает ли он, чтобы его побили до крови, а после посадили в сумасшедший дом". Столько желчи можно объяснить, по-видимому, только если автор лично чем-то досадил Дезессару, либо, и это больше похоже на правду, Дезессар просто стремился угодить своим вельможным покровителям. Не исключено, что просьба высказаться по поводу этого памфлета исходила лично от И.И.Шувалова. Любопытно, что опубликованная в приложении к памфлету реляция, показывающая, что победу при Цорндорфе одержали явно не русские войска, адресована "графу Ивану Шувалову"³⁸. Известно, что И.И.Шувалов графом не был. Вероятно, произошла путаница и речь идет о гр. Петре Ивановиче Шувалове, двоюродном брате И.И.Шувалова. Таким образом, имя Шуваловых, пусть и косвенно, выставлялось в качестве авторитета, освящавшего ложь.

Обращение к роли России в Семилетней войне, как и превознесение Дезессаром гения Петра должно быть понято, скорее всего, в рамках политики по созданию выгодного облика России в глазах Западной Европы, что было одним из главных устремлений самого И.И.Шувалова. Собственно, и заказ Вольтеру "Истории России в царствование Петра Великого" тоже, конечно, не случайно сделан (через И.И.Шувалова) именно в те годы и является звеном — конечно, несоизмеримо более значимым, чем "Московский путешественник" — в цепи пропагандистских акций русского двора.

Сочинение Дезессара "Московский путешественник, или русские письма" видимо так и не вышло в свет³⁹, хотя, безусловно, по всем критериям представляет больше интереса, чем опубликованная им в 1770 г. "Le livre a la mode", даже несмотря на включения в последнюю отрывков из рукописи. Тому могло быть несколько причин. Возможно, что сочинение Дезессара не устроило самого Шувалова. Русский «французолоуб» Шувалов вряд ли мог оценить резкие суждения французского галлофоба Дезессара. Кроме того, сочинение, написанное в начале 1760-х гг., трактовавшее текущие политические события и неопубликованное вовремя, быстро потеряло свою актуальность. Да и сам Шувалов, которому оно было посвящено, оказался не у

qu'ils gagnent des Batailles comme d'autres les perdent et que leurs victoires ressemblent si bien à des défaites que les plus clairvoyants y sont le plus souvent trompés".

³⁸ Ibid. С.19-26: "Relation de la Bataille de Zorndorf, envoyée par le Général Panin au Comte Ivan Schuwalof en date du 13/24 Septembre 1758. traduite d'après l'original Russe."

³⁹ Ни подобного французского издания, ни его русского перевода нет в каталогах, регистрирующих репертуар русской книги XVIII в.: Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII в., 1701-1800. Т. I-III. Л. 1984-1986 ; Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века, 1725-1800. Т. I-IV. М. 1962-1966.

дел при новой власти и вскоре покинул пределы России. Теперь он вряд ли мог “поддержать своим знаменитым именем” сочинение Дезессара.

Это примечательное произведение, интересно вписывающееся в контекст своей эпохи, еще ждет своего читателя.

Приложение.

Le
Voïageur Moscovite

ou

Lettres Russes:

ouvrage

Histori-Politi-critique

Traduit du Russe

Par M.M. chev. Des Essarts.

Nullus est Liber tam malus, ut non aliqua parte prosit.

Plin. Ep. V. Lib.. III

A Batavia

avec approbation, & privilege de l'Académie chinoise.

L'an de la réformation des Auteurs.

(f. 2) A Son Excellence

Monsieur Iwan-Iwanovitz

Chouvalow

Général Lieutenant, Général adjudant

de sa Majesté L'impératrice de toutes les

Russies. chevalier de Plusieurs ordres.

chambellan, curateur de L'université de

Moscou. &c. &c. &c.

Monsieur

Ce n'est pas sans une Politique raisonnée que je prens la Liberté de vous dédier cet ouvrage. faible production d'un esprit trop borné, je la verrais tomber dès les premiers pàs qu'elle ferait dans la République des Lettres, si votre nom illustre ne la soutenait. combien de (f. 2v.) volûmes seraient ignorés pour n'avoir pas été lûs, si de grands hommes avaient refusé d'honorer le frontispice, de leur

nom ? tel qui passe aujourd'hui pour homme de Lettres, est redevable de sa réputation à une Epître dédicatoire qu'il a su placer à propos. j'avoue que cette idée entre pour quelque chose dans mon dessein ; mais elle n'est pas l'unique, un motif plus épuré guide ma Plume.

Personne n'ignore, Monseigneur, que vous seul avez mis la Littérature, au degré éminent où elle est actuellement en Russie. Nul scavant nul amateur des Lettres qui ne sente qu'il vous doit ce qu'il est. c'est par vous que les Arts sont protégés, les Talens encouragés. cette Université de Moscow, cette Académie de St. Petersburg sont votre ouvrage. vous travaillés continuellement à faire fleurir l'un & l'autre. bientôt (f. 3) par vos soins, on les verra ne céder en rien aux autres assembleés des scavans en Europe. je ne parle point des affaires importantes, dont vous êtes journellement occupé. cela me conduirait insensiblement à faire votre éloge, & quoique je ne fisse rien que rendre à votre mérite ce qui lui est dû, je pourrais vous déplaire, parceque vous n'aimâtes jamais les Louanges.

Je me borne donc, Monseigneur, à vous donner, avec tous ceux qui aiment la Littérature, le titre de Protecteur des sciences; titre d'autant plus glorieux, que vous le préférés à tant d'autres que vous possédés, & dont vous n'êtes pas moins digne. comme tel, souffrès que j'aie l'honneur de mettre sous votre protection, le Voïageur Moscovite ; s'il a le bon'heur de vous plaire, je ne suis plus inquiet sur son sort: il sera des plus heureux. j'ose déjà me féliciter, Monseigneur, d'avoir pû vous témoigner, par ce faible (f. 3 îá.) homâge que je me fais un devoir de vous rendre les sentimens du plus profond respect, avec lequel je me ferai toujours une gloire de me dire, & d'être effectivement

Monseigneur

De Votre Excellence

Le très humble, très obeissant,

& très Respectueux Serviteur.

= Le chevalier des Essartz

(f. 9)

[Epître Ire]

[...] Tu sçait qu'après avoir quitté la Russie, je me rendis directement en France. la fameuse ville de Paris ne me recût dans ses murs qu'après que je fus assés versé dans la Langue Française, que j'appris en Province. je vins loger dans le fauxbourg St Germain si renommé par une infinité d'aventures effroûïablement extraordinaires. là, renfermé dans un fort petit appartement, une table un lit, deux chaises, & quelques livres pour tous (f. 9v.) meubles, je vécûs pendant un an en vrai philosophe. je ne sortais qu'une fois tous les quinze jours. je craignais d'entendre dire à tout momens

derriere moi, voila un Russe: naturellement je n'ai jamais aimé qu'on se mocquât de moi, & cette façon de montrer quelqu'un en France, renferme toujours une dérision qui ne plaît pas. mon année expirée je résolus de me produire. j'étais vêtu entièrement à la Française frisé en Ailes de Pigeon, poudré en graines d'Épinars, un zeste de chapeau. sous le bras, une canne beaucoup plus haute que moi, mon manchon, mes gants, ma tabatière à la main, tout cet attirail m'aurait passablement donné l'air petit maître, si la persuasion intime que j'étais Russe ne m'avait fait joindre un air de Prudence à (f. 10v.) des manières de faquin que j'affectais. le contraste me déçut. une dame de condition chez qui je m'étais introduit, m'apostropha par un Monsieur est étranger sans doute? auquel je répondis sur le même ton, oui madame sans doute. cette partie de la question de la dame que j'avais répété, produisit de grands éclats de rire qui ne furent point du tout de mon goût. je feignis cependant de ne point m'en apercevoir, trop heureux d'en être quitte à si bon compte. la même dame voulut absolument savoir de quelle nation j'étais. je répondis que j'étais Russe. je n'eus pas sitôt fait cet aveu, que je la vis pâlir, ses yeux se fermerent, elle s'évanouit. grand remue-ménage dans la chambre, les eaux de senteur, le sel d'Angleterre, & tout l'attirail à évanouissement (f.10v.) fut prodigué. la dame ne revenait point, la consternation était générale. seul, immobile sur mes deux pieds, je regardais tout cela avec un froid du Nord, lorsque la dame ouvrant enfin la bouche, dit d'une voix presque éteinte, ah mon dieu c'est un Russe? cette périphrase fit tourner tous les yeux de mon côté. je subis en ce moment le plus rude examen possible. les boutons de mon gilet quoiqu'entre deux chemises eurent de la peine à échapper à l'attention de mes curieux. je fus tout à coup assailli par une infinité de questions qui se succéderent si rapidement que se trouvant enclavées les unes dans les autres, elles ne formèrent plus rien de significatif. dans l'impossibilité de répondre, je fis une profonde révérence & me retirai. je rentrai dans mon appartement, absorbé dans mes réflexions. j'étais encore indécis si je devais reparaitre Lorsque mon hôte vint m'avertir qu'il fallait aller chez le commissaire du quartier. un tel ordre m'étonna, mais je ne me déconcertai point. je me présentai chez cet espèce de juge avec l'assurance d'un honnête-homme. monsieur me dit-il des qu'il m'aperçut, qui êtes vous, combien y a-t-il de temps que vous êtes icy, qu'y faites vous, comment vous appelez vous? Je fus tenté de ne répondre à ce subtil magistrat, que par un éclat de rire; mais réfléchissant qu'il faut très peu de chose à Paris pour passer pour fol, & que les fols mal heureux vont aux petites maisons, je changeai d'avis, & répondis fort poliment, je suis Russe, de Moscou, un an, rien, Iakim (f. 11v.) mon laconisme fut fort longuement écrit & il me fut permis de me retirer.

le petit chagrin que me causa mon entrée dans le monde me fit changer de quartier. je pris un logement aux faux-bourg St.germain, bien résolu de ne plus m'exposer à de semblables catastrophes.

mon nouvel hôte me dédommagéa amplement de la contrainte que je me faisais en ne sortant pas. je crois que ce drole-lâ avait tenu auberge dans les asturies. c'était bien le plus grand parleur que la France eut vû naitre. il n'i avait pas encore une heure que j'étais chés lui, & je scavais toutes ses affaires. il y à comme cela de certaines gens, qui pour sçavoir ceque vous faites, commencent par vous dire tout ce qu'ils ont fait. le père de mon hôte était (f. 12) un gros marchand ruiné pour avoir été trop honête homme. son fils après avoir été soldat, clerc de procureur, moine, comedien, s'était fait pour ne pas dégénerer, marchand de peignes. il avait disait-il voïagé par toute l'Europe. je lui demandai cequ'il pensait de la Russie, ma patrie. vous mocqués vous de moi me dit-il, en me riant au néz, avec votre Russie? ô parbleu vous me la donnés belle: vous me prenés sans doute pour un ignorant à qui on fait accroire que les vessies sont des lanternes: tout comme si je ne scavais pas qu'il n'y à pas plus de Russie dans le monde, que de pierre philosophale, que ce que vous appellés Russie est peut-être quelques montaignes, ou rivieres, dont vous seul scavés le nom. allés monsieur croiés moi, donné vous pour chretien, vous en avès assés (f. 12v.) l'air, mais n'allés pas vous mettre en tête que les gens de Paris sont des sots. vous vous y tromperiés. eh pardi ouï, celui la n'est pas mauvais, un étranger viendra apprendre aux français des choses qu'ils ne scavent pas: ô dam il n'y à qu'à s'y frotter, on verra comment nous sçavons river les cloux. le seul moïen d'imposer silence à mon ignorant babillard, fut de lui dire que j'avais besoin de repos, il ne me quitta qu'après m'avoir encore assomé d'une tirade d'impertinences, & je l'entendis répéter le nom de Russie jusqu'au bas de l'Escalier.

(f. 21)

[Epitre IIIe]

[...] mais disons que nous avons un avantage dont les autres nations sont privées; c'est que nous sommes redevables a nous mêmes de l'état si different d'autre fois dont nous jouissons aujourdhuy. je dis a nous mêmes, et en effet; personne n'ignore que la Russie policïe, éclairée, ne soit (f. 21v.) le propre ouvrage de Pierre le Grand. lui seul à sçu débrouiller le cahos de son empire immense. c'est lui qui d'un peuple ignorant, corrompû, en a fait un peuple laborieux, vertueux, lettré, poli. semblable a un habile sculpteur qui d'un bloc de marbre entreprend de faire une statue, il à fait sauter avec le cizeau de ses Lumières, differens éclats à différentes reprises. le travail était penible. la dureté de la matiere semblait resister a ses efforts redoublés. loin de se decourager, il à forcé la nature, il est enfin parvenu à oter tous les obstacles qui cachaïent la figure que nous voions. il à achevé avec le burin de la patience ce que le marteau avait ébauché; il a eu la gloire en un mot de perfectionner en peu de temps, l'ouvrage (f. 22) de plusieurs siecles. m'objectera-t-on pour détruire ceque j'ai avancé, qu'il a été chercher chès

l'Etranger les Lumières dont il avait besoin, qu'il est allé s'instruire au dehors, que la nation n'en est pas moins redevable à l'étranger quoiqu'indirectement de ce qu'elle est aujourd'hui. eh c'est cette même objection, toute superbe qu'elle est, qui comble notre nation de gloire. Oui-Pierre Ir. a été s'instruire chés l'étranger, il s'est abaissé jusqu'à la qualité de simple artisan, il a travaillé comme tel, il n'a réservé de son titre d'Empereur que le dessein de rendre les peuples heureux. quel est le monarque qui a su par une telle voie parvenir au faite de la grandeur? quel est le souverain qui ait fait assez de cas de ses sujets pour mériter à ce prix (f. 22v.) le titre de grand? Ah cher foedor! que le Russe aurait de sujet de s'énorgueillir, s'il ne savait pas que l'orgueil est un vice, que c'est le partage des âmes basses. quelle gloire? quel Triomphe pour un sujet, de devoir les sages leçons dont il fait usage à son Monarque, à son souverain à son maître. quel comble de félicité de voir regner l'Auguste fille d'un si grand homme? de la voir travailler avec un zèle infatigable à maintenir à conserver l'état florissant d'un Empire pour le quel ce grand monarque s'est sacrifié. les premières têtes de l'Etat sont une preuve vivante de cette vérité. s'il m'était permis de faire icy leur éloge, quel beau champ n'aurais-je pas à courir? ou trouverais-je des expressions qui pussent faire sentir à toute l'Europe jusqu'à (f. 23) quel point mérite d'être loué, ce père des Arts, ce protecteur des Talens, ce digne soutien de la littérature. les vrais sçavans entendent sans doute de qui je veux parler. son nom trop illustre ne peut être tréscé par ma faible plume; mon silence a quelque chose de plus expressif, que tout ce que j'en pourrais dire, il aspire à l'estime, à l'amour de tous les gens de bien, mais il dédaigne leur louanges. je dis donc que nul bon'heur n'est égal à celui d'un sujet Russe. que les autres peuples entichés de leur vaine grandeur, me vantent tant qu'ils voudront leur magnificence, leurs richesses, leur vie heureuse, la grandeur d'ame du Monarque qui les gouverne: je respecte infiniment toute tête couronnée; les Rois tiennent leur puissance du Créateur. (f. 23v.) à dieu ne plaise que je sois jamais assez indigne que de manquer à une tête couronnée, le sceptre est quelque chose de trop sacré; que ma coupable plume m'attire plutôt le chatiment dû à un tel crime: mais en rendant au trône ce que je lui dois, qu'il me soit permis de faire un retour sur moi-même, que je puisse au moins comme simple particulier, me féliciter d'un bon'heur que je reconnais effectif, dire hardiment & avec gloire, que je suis Russe.

(f. 39)

[Epître Ve.]

[...] je craindrais d'ailleurs, tant obligé de me servir de certains termes neufs, de me mettre à dós, les professeurs de la langue française, qui sous le nom d'Outchitels,* [outchitel en langue russe, signifie précepteur, ou enseigneur] sont icy en grand nombre. ils liront sans doute nos lettres juge toi-

meme a quoi je m'exposerois, si ne voulant pas souffrir leurs remontrances, je leur prouvais net et clair que les termes dont je me sers ont été inventés depuis leur sortie de France. critiquons (f. 39o6.) les deffauts des hommes, amusons nous de leurs ridicules, j'y consens, mais n'insultons point à leur état. je n'en connais point de méprisable, la mauvaise conduite seule y jette ce vernis qui mérite notre indignation. icy par exemple, un homme sans ressource, se fait outchitel on est meme surpris lorsqu'on voit un domestique qui scait quatre mots de suite ne pas embrasser cet état. d'ou vient cela ? cest que plusieurs se sont comportés d'une façon a rendre leur corps méprisable. s'il était possible de nous passer de ces sortes de gens, nous n'en serions peut-être pas plus à plaindre : mais puisque c'est une nécessité pour nous tachons de nous y resoudre & menageons les tous en faveur du plus grand nombre (л.40) de gens de probité qui s'y trouvent. la probité est le titre le plus honorable q'un homme puisse avoir. celui-la est vrai, les autres ne sont qu'empruntés. il serait a souhaiter qu'ils se trouva partout de zelés partisans de l'honneur des tetes couronnées, qui empechassent que de miserables vagabons n'eussent la hardiesse de des-honorer les cours, en se parant de titres d'honneur qu'ils n'eurent jamais. on ne verrait pas tant de faux comtes, de collonels postiches, de gentils-hommes batards. le Pâvé des pans libres ne fourmillerait pas d'un tas de gens qui traient de grands noms qui ne leur appartiennent pas: qui promenant de maisons en maisons leur infamie & leur indigence. graces a la liberté qu'ont les étrangers d'aborder chés nous, il peut fort bien se faire (f. 40v.) que nous donnions azile à de tels personnages. mais comme ils trouvent parmi nous une ressource qu'ils n'ont pas ailleurs, leurs faux titres, leur grandeur chimérique se trouvent ensevelis dans le symbole de leurs talens. il leur prend bien quelques fois envie de se dire au moins gentils-homme, mais cela influe si peu sur leur mérite, que nous sçavons apprécier sa juste valeur, qu'ils rentrent presque aussitot dans le neant d'où ils s'efforcent envain de se tirer ; qu'importe en effet aux pères & aux mères d'avoir pour précepteurs de leurs enfans, un gentil-homme ou un roturier ? le gentil-homme débauché ignorant, n'est-il pas un être méprisable? & le Roturier capable honete-homme n'est-il pas digne de l'estime de tous les honetes gens ?

(f. 67v.)

[Epitre VIIe.]

[...] il se trouve des gens qui achètent avec plaisir ces sortes de libelles, parceque de miserables libraires ont la Hardiesse de les imprimer. on souffre dans un Etat policé que des mal'heureux déjà notés, attaquent impudemment des têtes couronnées, calomnient , outragent le sceptre, & la couronne. Une lettre du P. de Prusse mourant au Roi son frere, un Ephraïm justifié, sont imprimés a la Haïe. L'Auteur il est vrai, qui est un certain capucin normand âpostat, faux Baron de M. t. a été chassé de

Hollande, comme il l'avait été de Suisse, de Pologne, & d'Angleterre, mais ses ouvrages n'en ont pas moins été vendus, (f. 68) & un nouveau libraire a été assez hardi que d'en entreprendre une nouvelle édition. Le ministre français d'Altona, M. à donné l'Histoire de ce M-t. sous le titre de l'Espion c'est la brochure la plus indigne, la plus sottise, la plus diffamante qu'un homme d'église puisse enfanter. il aurait bien dû ne pas se mêler de ces sortes d'affaires et assurément s'il a cru venger par-là le Roi de Prusse des infamies que ce misérable Auteur a publié contre lui, il a bien mal connu ce monarque. comme Roi, il est au dessus du croassement du vulgaire, & comme philosophe il voit du même œil, & celui qui l'insulte, & celui qui le venge si sottement : l'un & l'autre sont dignes de son mépris. Les Lettres d'un ami de Leide à un ami (f. 68v.) d'Amsterdam, me paraissent ce qu'elles sont en effet ; un tissu de grossièreté, un ramas de mensonges, aussi mal digérés que concûs. L'Auteur dont tout le mérite consiste à avoir un père capitaine dans le noble corps des cadets de Prusse, a rassemblé tout tout [sic !] ce que sa faible imagination a pu lui produire pour insulter à la fois, l'Empereur le conseil aulique, & la Russie. Son libelle est imprimé à Berlin. il n'y a ni goût, ni style, ni raisonnement, ni preuve, ni bons sens, ni rime, ni raison. l'invective l'injure, le manque de respect font l'âme de sa rapsodie. l'effronterie, la hardiesse, l'ignorance, en font le corps. il s'est hasardé de donner quelques autres productions aussi maigres que sa physionomie. il a entrepris de critiquer nos mœurs, notre (f. 69) gouvernement, nos usages. notre ministère lui étant inconnu, il l'a supposé tel qu'il l'eût souhaité, & partant de ce principe, il n'a pas eu honte de se féliciter d'avoir si bien rencontré. cet insecte rampant sur la surface de la littérature, ce petit écolier qui ne sait dire que des sottises, n'aurait-il pas mérité après avoir été fouetté jusques au sang, d'être mis pour le reste de ses jours aux petites maisons ? Cependant chose incroyable ! il a été fait conseiller de légation, outre une pension de quatre cent écus.

toutes les librairies de Hollande sont farcies de brochures à peu près dans le même goût. [...]